

Отрывки из ненаписанного.

Родилась я 8 октября 1928 г. в г. Москве. Отец мой – Прозоров Андрей Леонидович – врач, мать Прозорова (Гусар) Нина Адамовна – преподаватель математики в школе. Жили мы в Замоскворечье на Большой Якиманке в очень красивой квартире (с высокими лепными потолками, хитрой системой отопления и вентиляции, с балконом, откуда был виден Иван Великий). Эту квартиру снимал мой дедушка еще до революции. Потом семью несколько раз «уплотняли», в результате из шести комнат в распоряжении Прозоровых остались только три. Соседи по коммуналке были люди не скандальные, жили мы с ними мирно, а некоторых даже любили.

Когда мне было около трех лет, отец мой закончил Медицинский институт и уехал на практику в г. Магнитогорск и к нам с мамой не вернулся. Конечно, это не прошло гладко: я часто вспоминаю, как он рыдал над моей кроваткой и слезы капали мне на лицо. Это самое пронзительное воспоминание из детства. По рассказам родных, он целый год метался, но потом в Магнитогорске родилась дочка, и все решилось само собой. Он навсегда покинул Москву, а мы с мамой остались и прожили вместе с Прозоровыми много лет.

Семья была большая: дедушка (Прозоров Леонид Алексеевич) был известным психиатром, бабушка – Надежда Клавдиевна была (врачом?) и работала с дефективными детьми. Старший брат моего отца Алексей был литератором, преподавал в ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории), а сестра Надя была, как и моя мама, преподавателем математики. В отличие от Алексея, который был нелюдимым и комплексующим (неуверенным) человеком, Надя была жизнерадостная и решительная, сочиняла прекрасные стихи. Мне очень повезло, что мое детство прошло в кругу этих замечательных интеллигентных людей. Все меня любили, и мне было очень хорошо. Наверное, маме было трудно, но так все получилось. Она не предпринимала никаких решительных действий, чтобы разъехаться.

В 1936 г. я поступила в школу № 7. Школа называлась «образцовой». Такой титул присваивался тогда лучшим школам Москвы. Находилась она в Казанском переулке,

около Калужской площади. Теперь на этом месте Французское посольство, а школа, сохранив былую славу, переехала на ул. Крупской. В начальной школе у нас была замечательная учительница Венедикторова Александра Ивановна. В те времена она была известным педагогом (возможно даже заслуженной учительницей). В классе было 40 учеников, по тем временам это было нормально. Я до сих пор помню алфавитный список нашего класса, который почти не менялся с 1 по 4 класс. Александра Ивановна была очень строгой, но справедливой, и мы все ее очень любили.

В пятом классе мои (да и почти всего класса) симпатии завоевал Николай Николаевич – преподаватель биологии. В пятом классе изучалась ботаника. И он так интересно рассказывал о растениях, ставил такие эксперименты, читал нам рассказы о великих естествоиспытателях, что мы все стали юными натуралистами. Кабинет биологии был весь заставлен диковинными растениями, за которыми надо было ухаживать. И это стало любимым нашим делом, мы проращивали семена, сажали, пересаживали, подстригали и выпрямляли растения, а с наступлением весны в школьном саду настойчиво пытались, вслед за Мичуриным, скрестить яблоню с грушей! К нашей чести, у нас ничего не получалось.

После окончания уроков в нашей школе работали разнообразные кружки и спортивные секции. Я училась игре на фортепьяно (у Марии Григорьевны) и танцам (кружок назывался «пластика», преподавала Полина., к сожалению, не помню отчество). И то и другое мне очень нравилось и очень в жизни пригодилось.

А еще почти каждый день выпускалась школьная стенная газета. Было создано много редколлегий, в которые входили старшеклассники и, начиная с пятого класса, «мелюзга» на подтанцовках». Редколлегии с энтузиазмом соревновались в интересности материалов, оформлении газеты, остроумии и т.д. Мне повезло, я (пятиклашка) попала в редколлегию, где работал Игорь Покровский. Все девочки нашего класса были влюблены в этого семиклассника. Он был красив и так играл вальсы Шопена! А как он рисовал! А как оформлял нашу газету... Мы неоднократно выигрывали соревнования. Потом Игорь стал знаменитым архитектором, принимал участие в проектировании и строительстве г. Зеленограда. А еще прославился как руководитель ансамбля архитекторов «Кохинор».

Мы так любили нашу школу, что проводили в ней весь день и возвращались домой только поздним вечером. Мне она (именно эта школа № 7) до сих пор снится. Правда, чаще всего, как я съезжаю по перилам со второго на первый этаж.

А еще у девчонок в то время было замечательное занятие «прыгать через веревочку». Как только стаивал снег, все дворы и скверы заполнялись прыгающими девочками. Прыгали мы часами, разными способами до полного одурения.

Эвакуация

В сентябре 1941 года занятия в московских школах были отменены, и мама пошла работать на военный завод сверловщицей.

Москва опустела – многие уехали в эвакуацию. Уехала тетя Надя с детьми. Умер от сердечного приступа дедушка. Почти каждую неделю происходили налеты немецких бомбардировщиков. Все население нашего дома спускалось в подвал, и в этом бомбоубежище в полутьме и холоде переживали налет. До сих пор помню специфические звуки от немецких самолетов и падающих бомб.

16 октября (в этот день в Москве началась паника – немцы были уже близко) я, мама и бабушка эвакуировались с маминим заводом. Мы отплыли на большом пароходе «Башверхсовет» из Южного порта. Пароход был набит до отказа. В нашей двухместной каюте ехало шесть человек. Спали по очереди. Взять с собой можно было по одному чемодану. Везли с собой в основном теплые вещи. В стене нашей каюты были две дырочки – следы от обстрелов в предыдущих рейсах.

Десять дней мы плыли по рекам: Москве, Оке, Волге, Каме, Вятке. В Казани бабушка пересела на местный пароходик и поехала в Елабугу к тете Наде, а мы с мамой, наконец, приехали в пункт назначения – Вятские Поляны.

Вятские Поляны – это большое приуральское село, расположенное в красивом месте, на высоком берегу реки Вятки. В 1938 там была построена шпульная фабрика, и село приобрело статус «рабочий поселок». Прежде всего, меня поразило, что лестницы к реке, тротуары на улицах и почти все дома были деревянными. Каменными были только Никольская церковь, переделанная в кинотеатр, и несколько двухэтажных домов на главной улице – улице Ленина.

Нас поселили в избу. Мы разместились в довольно большой комнате, где уже еще в двух углах жили две другие семьи. Спали мы все на полу, больше ничего не помню. Хозяева были молчаливые и довольно хмурые пожилые муж и жена, они героически переносили свалившиеся на них неприятности. Мы все тоже.

Довольно скоро нас с мамой переселили в малюсенькую комнату в муниципальном доме на Набережной. Комната была предназначена не для жилья, а для обслуживания голландской печки, обогревающей жилые комнаты. Но существовать в ней все-таки было можно. Откуда-то появился топчан, на котором мы спали, маленький стол и один стул – наверное поделились соседи. В доме было электричество, а вот за водой надо было ходить довольно далеко на ул. Ленина.

На базе вятскополянской шпунтовой фабрики создавался большой оружейный завод силами заводских коллективов из Загорска, Коврова, Москвы. Монтаж зданий и оборудования шел днем и ночью. И уже в конце ноября завод стал выпускать автомат ППШ – пистолет-пулемет Шпагина. Конструкторское бюро завода возглавлял сам изобретатель – Георгий Степанович Шпагин. Известно, что в 1942 завод произвел полтора миллиона автоматов.

В первый год войны население поселка увеличилось в несколько раз. Это вызвало огромные затруднения в обеспечении приезжих жильем, продовольствием, предметами первой необходимости. Началось строительство бараков. Хлеб в магазинах продавали по карточкам. На сахар и крупу тоже были карточки, но отovarить их было очень трудно, почти невозможно. Все вещи, которые мы привезли с собой из Москвы, пришлось выменять на продовольствие. Дров для печки, конечно, тоже не было, но мне удавалось набрать по берегу веток, сучьев, щепок, благо по реке сплавляли лес, и деревянного мусора было предостаточно.

Завод работал круглосуточно в две смены по двенадцать часов. Чтобы подкормить рабочих, на заводе было организовано двухразовое питание в столовой. Каждому рабочему выдавались два талончика в день. По одному ела мама, по другому я.

В Вятских Полянах была средняя школа. В 1935 году силами местных жителей для нее было построено специальное здание, но учиться мне в этом здании не пришлось, так как во время войны там размещался военный госпиталь, а мы занимались в менее приспособленных для обучения помещениях. Наш класс размещался в бывшем детском садике, одноэтажном деревянном доме с проходными комнатами. Последнее придавало некоторую экзотику. Школа работала в 2-3 смены, ведь приехало так много детей! Было холодно, голодно, но нам так хотелось учиться! Я не помню сорванных уроков и каких-нибудь скандалов. У нас были замечательные учителя, и они нас хорошо учили. Помню школьные вечера, спектакли, которые мы ставили даже на немецком языке, спевки школьного хора, наши выступления в клубе завода. Мне удалось научить девочек из нашего класса танцевать полянку и тарантеллу. Единственным доступным нам инструментом, издающим музыкальный звук, был камертон. Поэтому приходилось танцевать под собственное пение. Но мы делали это с увлечением и имели успех.

На большой перемене раздавали по кусочку черного хлеба (на самом деле устраивалась «куча-мала!»), и это было очень существенно: по карточкам детям, как иждивенцам, полагалось всего 200 г. Времена были суровые. Но и в морозную стужу мы все равно ходили в школу, где к тому же было почти тепло.

При нашем доме был огород, и весной нам выделили на нем три грядки, и мы посеяли кроме огурцов, помидоров, морковки, «самосад» (махорку), который мама сушила и потом курила. На этих грядках я безуспешно продолжала ботанические эксперименты. Кроме того, всем рабочим дали участки земли в поле, и мы посадили картошку. В общем, жизнь налаживалась.

Вятские Поляны оказались страшно комариным местом, в те годы там свирепствовала малярия. В поселке даже существовала малярийная станция – специальное медицинское учреждение, сотрудники которого наблюдали за маляриками и выдавали лекарства. Я, конечно, тоже заболела. Малярия – это ужасная болезнь: регулярно через день возникает озноб и адская головная боль, температура поднимается выше 40 градусов, и это продолжается сутки. После трех таких приступов уже нет сил подняться с постели. Традиционных лекарств (хины и хинина) не было, и нас лечили новым средством – акрихином. Эти таблетки пронзительного желто-зеленого цвета помогали прервать на какое-то время череду приступов, но надолго окрашивали кожу принимающего в свой жутковатый цвет. Все «малярики» резко отличались от здоровых людей. Мы были не только хилые, но и зеленые. Я болела два года. Тогда считалось, что для того чтобы выздороветь, надо сменить климат.

Возвращение

Летом 1944 года, когда я закончила 8 класс, мы с мамой решили, что мне надо возвращаться в Москву. Маму с завода не отпускали. Для оправдания такого решительного поступка мы сформулировали три задачи, которые мне предстояло решить:

1. получить московский паспорт;
2. вылечить от малярии;
3. отсудить нашу комнату, которую заняли, пока нас не было в Москве.

Первые две задачи удалось решить, а третью – нет, так как в нашу комнату вселилась семья инвалида.

С великим трудом, простояв безрезультатно несколько дней в очереди за билетами, маме удалось внедрить меня в вагон проходящего поезда, который ехал в Москву. Вагон был купейный. В нашем купе ехало человек двенадцать. Мы плотно сидели на нижних полках, а на верхних по очереди спали. Ехали двое суток.

Мне не было еще шестнадцати лет. Единственным документом, удостоверяющим мою личность, было свидетельство о рождении – бумажка с печатью, протертая на сгибах. Когда мы уже почти подъехали к Москве, началась проверка документов. Оказалось, что в Москву пускают по пропускам, ничего подобного у меня не было. Из разговоров с попутчиками я узнала, что у трех мужиков из нашего купе тоже пропусков нет, но они знали, как обойти этот кордон. Я вместе с ними сошла с поезда, и мы очень долго шли по лесу и, наконец, пришли к трамвайному кругу. Это уже была Москва. Слава Богу, ничего страшного не произошло.

О моем приезде в Москву никто из родственников не знал. Мама им писала, но письма шли очень долго. Сначала я поехала к бабушке Зине (маминой матери). Она жила в семье маминой сестры Зои. Они тоже потеряли московскую квартиру и теперь жили впятером в восьмиметровой комнате. Я там поместиться не могла. И тогда я поехала к Прозоровым. Тетя Надя и бабушка уже вернулись в Москву, и хоть за время их отсутствия кое-что пропало, но крыша над головой была. Бабушка прописала меня к себе. Я получила продовольственные карточки и поступила в школу.

« Москва – моя Родина »

Во время войны школы Москвы были разделены на «мужские» и «женские». Это было связано с обучением военному делу. Моя родная школа № 7 оказалась мужской, и я поступила в 9 класс школы № 585. Это была новостройка, возведенная перед войной в середине площади Полянский рынок. Мы были первыми выпускниками этой школы.

Никакого отставания в учебе от московских школьников у меня не было – я была хорошо подготовлена. Мешал мне только вятский акцент, приобретенный в эвакуации. Когда я отвечала на уроках, девчонки хихикали и передразнивали меня. Я этот говор почти год изживала. Я любила математику, и с «точными науками» вообще все было прекрасно. А вот с литературой возникла некая проблема – я не умела писать «сочинения в художественной форме» и «на свободную тему», что мои одноклассницы делали легко. Это умение очень ценилось нашей учительницей по литературе Юлией Александровной Охотиной (она была и директором школы). А я не умела!

В 1945г. для московских школьников был объявлен конкурс «Москва – моя Родина». Председателем жюри был знаменитый писатель генерал А.А. Игнатьев. Юлия Александровна считала, что каждый должен принять в конкурсе участие, и это будет влиять на годовую оценку по литературе. Девочки писали роскошные сочинения – «Грибоедовская Москва», «Пушкин в Москве», «Памятники Москвы» и т.д. Для меня все это было просто недоступно. Тогда Юлия Александровна сказала: «Ну, опиши какую-нибудь улицу нашего района. Например, Калужскую заставу. Кажется, там был

знаменитый тестовский трактир. Это было бы очень интересно». И мы с моей подругой Марой Вайс поехали на трамвае знакомиться с Калужской заставой. Мара тоже жила в Москве без родителей у родственников: отец и старший брат были на фронте, а мама с младшей сестрой остались в эвакуации в Казахстане. Общая «сиротская» судьба сблизила нас. И всю жизнь, хотя после окончания школы она вернулась в родной Харьков, она оставалась для меня самым близким и преданным другом.

Марочка, конечно, могла написать любое сочинение, но она была верным другом и решила разделить со мной мою печальную участь. Мы доехали до конца трамвайного маршрута, сошли на конечной остановке «Калужская застава». Москва здесь действительно кончалась: кончился Нескучный сад, кончились тротуары. Здесь проходила кольцевая железная дорога, которую мы перешли и направились в сторону деревни Воробьево.

Погода была холодная и дождливая, грязища жуткая. Людей на улице не было, трактира тоже. Довольно быстро мы поняли, что делать нам здесь нечего, но для очистки совести решили дойти до группы желтых двухэтажных зданий. Трактира там, конечно, не оказалось. Это был Институт физических проблем, построенный (как мы потом узнали) в 1935 году Петром Леонидовичем Капицей в «тихом месте, за городом», чтобы шум не мешал.

Озябшие, промокшие, с грязными ногами мы ввалились в царство света и тепла – вестибюль ИФП. Слева стоял стол, за ним сидела дежурная, которая спросила, кто мы и зачем пришли. Мы что-то лепетали про школьное сочинение. К нашему удивлению и счастью нас не прогнали, хотя видок у нас был жутковатый. Дежурная позвонила по местному телефону, и к нам вышел элегантный человек – референт П.Л. Капицы Олег

Николаевич Писаржевский. В дальнейшем он стал известным писателем, написал несколько книг об ученых, считался «Дюма-отцом» научной публицистики. Он сразу понял поставленную перед нами задачу и решил нам помочь. О.Н. пригласил нас на второй этаж в «красный уголок», в комнату, где стояли овальный стол, покрытый красной суконной скатертью, и много стульев. Все научные сотрудники были в зале на семинаре, и некому было с нами поговорить, поэтому О.Н. предложил ознакомиться с рукописью его статьи об институте, которую он написал для журнала «Пионер». Мы жадно стали ее читать и даже пытались конспектировать понятные места. Потом он принес нам два стакана горячего чая и бутерброды с колбасой. Это отвлекло нас от «первоисточника», но оставило незабываемое восторженное впечатление. Кроме того, О.Н. организовал для нашего класса экскурсию в институт. К сожалению, не помню, кто ее проводил. Нам показали фокусы с жидким азотом, рассказали про П.Л. Капицу и в щелочку показали его кабинет. Все было необычно и интересно, но никто из наших девочек всерьез физикой не увлекся.

А мы осознали все произошедшее и написали сочинение о том, что в нашем родном городе Москве есть замечательный Институт физических проблем, созданный академиком П.Л. Капицей, в котором изучают свойства веществ при низких температурах. Текст занял целую тетрадь. Наш приятель из седьмой школы – Сережа Хаджибаронов – нарисовал нам красивую «научную» обложку. Получилось все очень пристойно.

К изумлению Юлии Александровны, да и нашему тоже, мы заняли на конкурсе почетное второе место! По-видимому, сработала оригинальная трактовка темы. Жаль, что наша работа была выполнена в одном экземпляре, который остался в недрах конкурсной комиссии. А так бы было интересно прочитать сейчас, что мы там насочиняли.

Поступление в МГУ

После окончания школы мы с моей подругой Эрной Эйгенсон (она училась в параллельном классе) решили поступать на мехмат в МГУ.

Мы учились в женской школе, и редкие девочки интересовались математикой. Но мы были именно такими. Наш преподаватель математики Постников Валентин Николаевич очень уважал нас. Он снабжал нас интересными задачами, разбирал решения, и чрезвычайно радовался, когда нам удавалось продемонстрировать свое понимание. Поверив в нас, он отправил нас на математическую олимпиаду, о существовании которой никто в нашей школе не слышал. Призовых мест мы, естественно, не заняли, но какие-то грамоты получили. И это событие не только подняло наш авторитет у школьного начальства, но и сыграло решающую роль в нашем выборе профессии.

В ясный июньский день 1946 года мы с Эрной шли по Каменному мосту в Университет поступать на мехмат. У нас были школьные медали (у Эрны – золотая, у меня серебряная), и для поступления нам надо было только пройти собеседование. На счастье или на беду(?) мы встретили знакомых мальчиков из седьмой школы, в которую мы ходили на литературные вечера, диспуты, танцульки... Парни шли поступать на физфак, были очень серьезны и страшно волновались. А мы (две великие воображалы!) были абсолютно спокойны. Хихикая и кокетничая (уж очень не хотелось расставаться), мы дошли с ними до физфака и ... поступили на физфак.

Собеседование проходило в комнатке под лестницей в Большую физическую аудиторию. Перед дверью толпилась небольшая группа бледных абитуриентов. Нас, как девушек, (как это иногда случается), протолкнули вперед. Да мы и не сопротивлялись – было интересно.

Со мной собеседование проводил проф. Анатолий Александрович Власов. Взглянув на меня, он, по-видимому, сразу понял, что о физике со мной беседовать бессмысленно, и ошеломил меня вопросом: «Сколько колонн у Большого театра?» Очухавшись от неожиданности и удивления, я неуверенно промямлила: «восемь» (я их никогда не считала!). А на вопрос «почему?» я уверенно ответила: «потому что квадрига!». Если бы он стал выяснять, почему квадрига, я бы провалилась. Но он улыбнулся, сказал что-то позитивное, из чего я запомнила слово «симметрия», записал мою фамилию на листочке, и я была принята.

Ребят и Эрну, конечно, тоже приняли. Вечером я зашла к Эрне. Отец Эрны Лев Соломонович спросил нас, как дела. Мы очень весело рассказали, что с нами произошло, и обещали завтра же пойти поступать на мехмат. Но ЛС отнесся к нашей участи очень серьезно. Он нам доходчиво объяснил, что мы полные идиотки, что физика – самое интересное, а уж если нас приняли на физфак, то это великая удача, и никуда перебежать не надо. И мы послушались и стали студентками физфака.

Некоторое время несбывшаяся мечта о математике мучила нас, и мы ходили слушать лекции на мехмат. Но уже к концу первого курса бросили – не хватало времени и сил.

Новый курс

А на курс, которому посвящены эти заметки, я попала через четыре года, когда на 4 курсе заболела и осталась на второй год. Болезнь была серьезная, полгода я провалялась по больницам и санаториям и с трудом получила справку, что я практически здорова и могу продолжать учиться.

Новый курс отличался от нашего старого. В среднем, тут народ был помоложе (на нашем было больше фронтовиков) и повеселей. Но все компании уже сложились, на меня внимания никто не обращал, и я болталась как неприкаянная. Было грустно и неудобно, и я использовала любую возможность убежать к «своим».

Как-то на лестнице я столкнулась с Валей Турчиным. Он спросил меня, куда это я все время убегаю. Обрадовавшись, что хоть кто-то со мною заговорил, я разоткровенничалась. Пожаловалась на одиночество и, сильно сгустив краски, объяснила, в чем дело. Валя посочувствовал, начал подробно рассказывать о курсе и, наконец, дошел до главного – существует мальчишеская компания Big seven (английский входил в моду) и перечислил всех участников этой семерки. Это действительно были замечательные ребята. Двух из них я знала со школьных времен. Я отчаянно позавидовала. «Ладно, - сказал Турчин, - ты будешь нашей королевой! Хочешь?» Еще бы!!! Я не уверена, что кто-нибудь из этого моего королевства, кроме Турчина, знал о моем титуле. Но это было уже не важно. Настроение изменилось, я осмелела. Уже на следующей лекции в Большой физической я покинула привычный последний ряд, спустилась вниз и плюхнулась рядом с Валей. Разумеется все ребята из Big seven а стали моими друзьями.

Я занималась в теоргруппе на отделении Строение вещества, благополучно сдала зимнюю сессию. И вдруг узнаю, что меня отчислили. Я бросилась к заведующему Отделением академику Дмитрию Владимировичу Скобельцину. Это был поразительно величественный и красивый человек. Он принял меня в кабинете и объяснил, что на этом отделении могут учиться только люди с безукоризненными анкетными данными и исполинским здоровьем. А мое здоровье, действительно, пошатнулось.

Ни мои отчаянные просьбы, ни расстроенный вид несчастной девицы не смогли повлиять на непреклонное решение Скобельцина расстаться со мной. Последние слова его были: «Вы не понимаете, о чем Вы меня просите!» Я, правда, не понимала.

И пошла я искать кафедру, на которой можно было сделать дипломную работу. Мне везде вежливо отказывали – никому не хотелось связываться с больной студенткой, да и времени для диплома оставалось мало. Как-то встретила Сашу Самарского, он мне сказал, что Андрей Николаевич Тихонов очень хорошо ко мне относится (я ему что-то успешно сдавала) и на матфизику меня, конечно, возьмут, но ... надо сдать три спецкурса. В то время мне это было не под силу. Надо было пропустить еще год.

Обо всех этих бедах я рассказывала своей школьной подруге Эрне, как вдруг ее отец, который не раз давал мне мудрые советы, спросил меня, почему я не обратилась на кафедру физики низких температур. (Это была элитарная кафедра. И находилась она не в Университете, а в знаменитом Капишнике. Работали там великие теоретики и экспериментаторы, о которых ходили легенды. Я была уверена, что туда и нечего соваться!) Он позвонил «Шуре Шальникову», и мне была назначена встреча.

С утра я примчалась в Физпроблемы. По-прежнему слева от входа сидела дежурная, и я попросила ее вызвать заведующего кафедрой. В вестибюле, где я ждала, царил бурная жизнь: какие-то молодые люди с жаром обсуждали вчерашний доклад на семинаре, кто-то вез тележку с азотными дьюарами, таскали аккумуляторы... Я стояла около табельной доски и судорожно сочиняла патетическую речь о любви к науке и своей печальной участи. Раз пятнадцать мимо меня пробежал чуть начинающий сидеть невысокий человек в рыжей замшевой курточке с лупою на лбу и какими-то трубочками, перекинутыми через плечо. На шестнадцатый раз он спросил, что мне, собственно, надо. Я объяснила. Оказалось, что это и был знаменитый легендарный Шальников! Мгновенно стало ясно, что речь я приготовила зря. На мою просьбу о дипломной работе он тоже ответил отказом. Сначала не поверил, что «анкета в порядке», а когда я его убедила в обратном, сказал: «Вы -- девушка, начнутся шуры-муры, потом вы замуж выйдете, детей нарожаете, а у нас надо работать. С Вашими данными надо идти в Кафе-шантан». Я совершенно искренне отчаянно клялась, что замуж никогда не выйду, детей у меня не будет – мне бы только работать. Но ничего не вышло... Мы распрощались.

Я перешла Воробьевское шоссе и стала ждать троллейбус № 4. Этот отказ отличался от прежних, но было страшно грустно, на глаза навернулись слезы. Вдруг боковым зрением я увидела, как Шальников перебегает дорогу. Он приблизился ко мне и дернул за косу: «Ну вот, глаза на мокром месте! Перестаньте реветь, с Вами совершенно невозможно иметь дело! Позвоните мне завтра в 8.15 утра» и убежал.

Конечно, я не спала всю ночь, а утром, услышав «Ладно, приходите», помчалась в институт. Проверку на пригодность к экспериментальному мастерству я выдержала. Помню, что А.И. намочил полотенце и заставил меня выжать воду, ему понравилось что я сделала это по-бабьи. Потом я должна была продемонстрировать, что владею иглой с ниткой (надо было вышить бисером какой-то узорчик) и еще что-то простенькое: то ли забить гвоздь в деревяшку, то ли что-то начертить. И хотя это происходило первого апреля 1951 года – все свершилось! Меня взяли на кафедру низких температур!

Работать пришлось действительно очень много. Мне было трудно – я ничего не умела. Под руководством аспиранта Шальникова М.С.Хайкина я должна была исследовать свойства сверхпроводников на СВЧ. Это дело было новое (работы Хайкина были одни из первых в мире), никакой стандартной аппаратуры СВЧ в то время еще не существовало, и предстояло многое придумать, сконструировать и опробовать еще до начала самих исследований.

Кафедра физики низких температур

В группе оказались еще пять девушек (и ни одного юноши): Айза Авадкова, Инга Баранова, Майя Браило, Света Новикова и Валя Мурина. Все – «умницы, красавицы, комсомолки»!

Лекции по физике низких температур нам читали А.А. Абрикосов (теория) и Н.Е. Алексеевский (эксперимент). Абрикосов – мой ровесник, но уже вполне успешно учил нас уму-разуму. Алексеевский был постарше, меня поразило его низкий голос: он разговаривал буквально на инфразвуке, так что часть слов трудно было расслышать. Лекции проходили в конференц-зале ИФП. Мы сидели за большим столом, стоявшим на сцене. Такая повышенная концентрация девушек была непривычна для ИФП и вызывала некоторую неловкость у лекторов. Оба лектора активно взаимодействовали с доской, но старались не поворачивать головы в нашу сторону.

А.И. Шальников вел семинар, забыть который невозможно. Каждая из нас должна была выбрать и рассказать одну из статей, опубликованных в последних номерах ЖЭТФа. Надо было глубоко вникнуть в суть работы, чтобы суметь защитить или обоснованно раскритиковать ее содержание. Остальные участники семинара выступали оппонентами. Разгоралась горячая дискуссия. А.И. буквально двумя фразами выводил тебя «на чистую воду», показывая, что ты еще ничего не знаешь, не понимаешь, а полученные тобой пятерки в зачетке есть «чушь собачья». А уж как доставалось авторам статей! Мы обсуждали не только постановку задачи, но и все возможные и невозможные способы ее решения, детально (до винтиков) разбирали установку, придирались к полученным результатам и их интерпретации. На несколько недель мы погружались в эту проблему. Столько приходилось прочитать, продумать, сосчитать, связать!.. В результате наши сухие книжные знания оживали и укладывались в голове уже совсем другим образом. Это было страшно увлекательно и полезно. Очень интересно было потом (в более взрослом состоянии) встретиться и, познакомиться с авторами статей, которые мы на семинаре выворачивали на изнанку, стараясь найти все узелки и изъяны. Сколько мы о них знали!

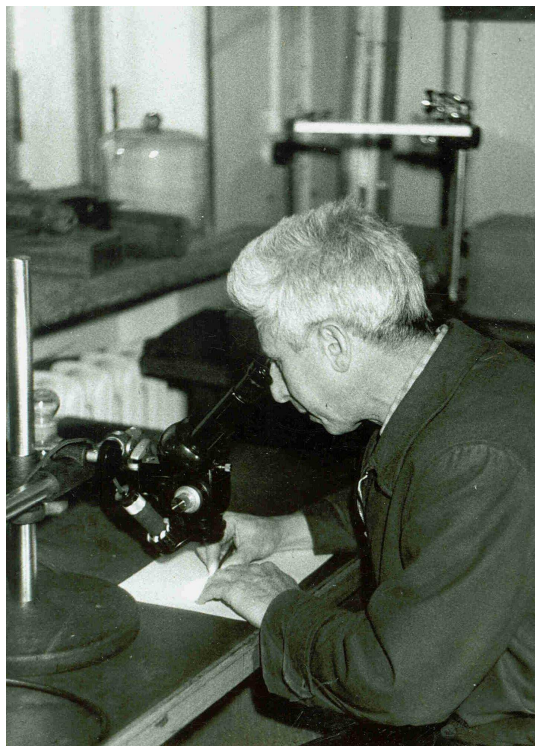
Беспредельное шальниковское обаяние буквально окутало нас. А.И. завладел не только нашими головами, вытеснив из них множество всякой ерунды, но и сердцами. Мы постоянно вспоминали, цитировали и говорили о нем между собой и с окружающими. Наши однокурсники нам не завидовали, а просто не понимали, что с нами произошло и ревновали. Некоторые иронизировали: « Это рекорд! За прошедшие две с половиной минуты ни слова о Шальникове!»

«Работать будете с аспирантом Хайкиным», - приказал Александр Иосифович, вводя меня в лабораторию. Аспирант хмуро посмотрел на меня и пошевелил усами. Мое появление в лаборатории ему явно не понравилось (не обрадовало), но со временем он привык и примирился с моим существованием.

Сотрудники института работали на уникальных установках, почти все они были изготовлены в мастерских института. В связи с этим в институте имелись механическая, стеклодувная, столярная, радио мастерские, отдел технологии материалов (химики), не говоря уже об азотной и гелиевой мастерских, обеспечивающих ожижение этих газов, а, следовательно, создающих возможность проводить эксперименты при низких температурах. Существовал и еще один уникальный отдел – склад научного оборудования, где беспрепятственно можно было брать и сдавать обратно стандартные приборы: амперметры, манометры, выпрямители, усилители, осциллографы и т.д. Все службы были призваны помогать проведению исследований.

Для того чтобы иметь представление обо всем этом, кое-чему научиться и наладить взаимоотношения, меня (двадцатилетнюю белоручку) на три недели «отдали в ученье», конечно, не к сапожнику Аляхину, а в механическую и стеклодувную мастерские. Заодно выдали синий сатиновый рабочий халат (как у всех!) и зачислили на довольствие – пол-литра молока в день.

При работе в лаборатории рукоделия было предостаточно. Из изготовленных в мастерских деталей надо было собрать прибор или приспособление. Проведение экспериментов при низких температурах требует миниатюризации и компактности этих изделий. Поэтому экспериментатор должен уметь не только паять, варить, шлифовать ... и т.д., но и приобрести специальную сноровку, иногда использовать лупу или даже микроскоп.

Мой дипломный руководитель Михаил Семенович Хайкин делал все это просто замечательно и так красиво, что от его рук невозможно было отвести взгляд. На мой вопрос «сколько надо этому учиться», он рассказал известную притчу о ювелире и его учениках, смысл которой заключается в том, что мастерство с каждым поколением снижается. Он себя считал учеником А.И. Шальникова. А о мастерстве Шальникова ходили легенды. Вот одна из правдоподобных.

А.И. под микроскопом создал некий уникальный хитроумный приборчик, которым очень гордился. Но пока он звал учеников, чтобы продемонстрировать его свойства, прилетела муха, восхитилась и унесла красивую игрушку.

ДИПЛОМ

Официально руководителем моей дипломной работы, наверное, считался А.И. Шальников, но, по существу, ею руководил Михаил Семенович Хайкин.

В ту пору он был еще аспирантом Шальникова, и все, кроме меня, называли его просто Миша. Это был красивый молодой человек (на 7 лет старше меня) с усами и грустными темными глазами, строгий, смелый, остроумный, очень четкий. Он был потрясающим педагогом. Все, кто имел счастье учиться у него, бесконечно ему благодарны. Он не только учил нас уму-разуму, но как-то незаметно (исподволь) внушал уверенность в том, что мы не просто тратим время, а занимаемся самым интересным, самым важным и делаем это самым правильным способом.

Я была его первой дипломницей и на этом неотесанном, благодатном материале он оттачивал свое мастерство.

Темой диссертации Хайкина было «Измерение поверхностного сопротивления олова на частоте 9400 МГц». Интересно было исследовать, как изменяется эта величина при переходе олова в сверхпроводящее состояние. Мишей была создана замечательная установка. Она располагалась на специальном стеллаже, который целиком занимал одну из стен нашей комнаты. Состояла она из сложной радиотехнической, совершенно уникальной высокочастотной и криогенных частей.

После прохождения «курса молодого бойца» в мастерских я должна была во всем этом разобраться и научиться работать. Для меня это была страшно сложная задача. Кое-что можно было прочесть в книгах, но, в основном, надо было задавать вопросы. И я как трехлетний ребенок «почемучка» их непрерывно задавала и, наверное, мешала М.С. работать. А мои технические знания были просто на нуле. Например, М.С. мне говорит: «Мила, возьмите пассатижи и затяните вязки». Я пытаюсь сообразить, что надо сделать, но мне это не удается, потому что в этой фразе кроме союза «и» я не знаю ни единого слова. Щадя М.С., я бегу к Юрию Васильевичу Шарвину. Он (уже не первый раз!) встречает меня саркастической улыбкой и фразочкой «Эко Вас захомутали!» и объясняет, что пассатижи – это плоскогубцы и т.д. А потом, конечно, я получаю от Миши нахлобучку за то, что демонстрирую всем свое невежество.

Кто-то подарил Шальникову опытный экземпляр восьмимиллиметрового клистрона. Эта лампа могла генерировать частоту в четыре раза выше той, с которой мы до сих пор работали. Возникла идея использовать ее для наших исследований. Но для этого надо было переделать высокочастотную часть. Миша все продумал. Мне было поручено кое-что посчитать и сделать чертежи. Это было не очень трудно, и мне казалось, что я начертила все очень красиво.

В механической мастерской работали механики высочайшего класса. Наш заказ попал к замечательному мастеру Александру Васильевичу Мелехину (во время войны он летал на истребителе). Он посмотрел чертежи, вызвал меня и посоветовал кое-что слегка

изменить. Я, естественно, согласилась. Через несколько дней он звонит и говорит: «Все готово».

Я радостно влетаю в мастерскую. А.В. дает мне в руки пинцет и маленькую, чуть больше спичечной, коробочку. Несколько токарей останавливают работу и окружают нас, подходит и начальник мастерской. Я открываю коробку, а там... бирюльки! Узнаю заказанные детали, но они крошечные! Меня охватил ужас, я не упала только потому, что некуда было упасть. «Все сделано по Вашим размерам, с точностью до десятых», - говорит А.В., показывая мне мои чертежи. И тут я все поняла. На чертежах не обозначены единицы измерения. Я все размеры привела в сантиметрах, не зная, что на чертежах принято давать размеры в миллиметрах. Я пытаюсь оправдаться – ведь в книжках и задачниках основная единица длины – сантиметр. «Да я все понял. Забирайте Ваши игрушки!» - говорит Мелехин, выдвигая ящик стола, в котором лежат детали с правильными размерами. «И чему вас только в университетах учат!». Я героически выдерживаю атаку насмешливых взглядов опытных мастеров, забираю заказ и благодарю за науку. С этого дня мы с А.В. становимся друзьями. Он учил меня машину водить, мы жили у него на даче, а, уж, сколько мудрых советов я получила!

Современные восьмимиллиметровые клистроны – изящные генераторные лампы в металлическом корпусе. Изделие, которое нам досталось, было одним из первых опытных экземпляров и представляло собой громоздкую конструкцию со стеклянным корпусом, обклеенным маленькими магнитиками. Для ее работы требовалось высокое анодное напряжение в 5 квольт. Поэтому пришлось сделать специальный выпрямитель. Было еще одно неудобство. По существующим тогда правилам после работы эту лампу надо было вынимать из установки и хранить в сейфе. Но клистрон хорошо работал, и это было очень важно для нас.

Я собрала установку, все отладила. Оставалось только залить гелий и посмотреть, что происходит с импедансом сверхпроводящего олова на этой частоте. Но вдруг «пропало» высокое напряжение, и я полезла в выпрямитель выяснить, в чем дело. Что-то я сделала неаккуратно, и меня «ударил ток». Так как ток выпрямитель выдавал небольшой и сработали предохранители, то ничего страшного со мной не случилось, но два пальца на руке были обожжены. Замотать эту мою оплошность мне не удалось. Почти сразу в лаборатории появился Шальников и стал выяснять, почему пахнет паленой курицей на весь институт. Пришлось признаться. Я, конечно, получила по заслугам.

А на следующий день я вынимала клистрон из сейфа, чтобы поставить его в установку, как вдруг мне показалось (все было выключено!), что меня вновь бьет током. И я выронила эту дурацкую лампу из рук, и она разбилась вдребезги. Я была в отчаянии: собрана такая установка, столько было надежд... и все рухнуло из-за моей нерасторопности. Как я всех подвела! Боялась даже представить себе, что будет, когда это все обнаружится. Уж лучше бы меня убили на месте без суда и следствия.

В этот день Миши не было в институте, и разбираться со мной пришлось Александру Иосифовичу. Я боялась даже взглянуть в его сторону. Не повышая голоса, он что-то мне говорил, говорил, а я, погруженная в свои страдания, не понимала ни единого слова. Коля Заварицкий и лаборант Геня грустно глядели на меня и скорбно молчали. Мне показалось, что прошла целая вечность. Я старалась, но не могла придумать выхода из этой жуткой ситуации. Постепенно я очухиваюсь и начинаю понимать, что Шальников не

ругает меня, а пытается утешить. Слышу знакомые заключительные фразы из Дяди Вани – «Мы еще увидим небо в алмазах...» и подхватываю, согласно Чехову, «и отдохнем». «Ну нет! Вот этого я Вам не обещаю!» - заключает А.И. повеселевшим голосом.

Я подмела стеклянные осколки. Мы с А.И. тщательно изучили внутренности злополучной лампы и похоронили ее.

На следующее утро вся лаборатория собралась как обычно в нашей комнате. Начинался наш рабочий день с традиционного пятнадцатиминутного «трепа», затем все расходились по рабочим местам. Как обычно, зашел и Лев Давидович Ландау. В этот раз обсуждали, что же делать со мной. Дипломная работа явно сорвалась, так как достать второй клистрон невозможно, а до защиты оставалось всего несколько дней. К защите диплома в ИФП относились очень серьезно, почти как к защите диссертаций. Придумать «диссертабельную» задачку, которую можно решить моими силами в столь короткий срок, было не просто. Можно что-нибудь измерить на старой мишиной установке. Но что? Самый разумный (удачный) выход из создавшейся ситуации нашел Ландау. Он предложил исследовать при низких температурах диэлектрическую проницаемость идеально чистого газа – гелия. Она, естественно, слабо отличается (в пятом знаке) от единицы. Но с помощью сверхпроводящих резонаторов это измерить можно.

И я выполнила эти измерения и уложилась в срок, хотя это было нелегко, так как времени было в обрез. Еще со времен Капицы в ИФП фиксировался конец рабочего дня, в лаборатории нельзя было оставаться после 7 часов вечера. Приходил охранник, лаборатория закрывалась и опечатывалась. Капица считал, что для успешной работы сотрудники вечером должны отдыхать или думать. Библиотека работала до девяти вечера. Вечером накануне защиты мой приятель с предыдущего курса Гена Отрощенко под мою

диктовку напечатал текст диплома (у него дома была пишущая машинка). Уже поздней ночью я вписала формулы и наклеила картинки. И к утру диплом был готов.

Мы, все шесть дипломниц кафедры низких температур, успешно защитились. Защита, как обычно, проходила в торжественной обстановке, в зале в ИФП. На защиту пришли почти все научные сотрудники института и даже некоторые работники мастерских (в моем случае многие из них принимали непосредственное участие). Всем было интересно, что же из нас получилось. Наиболее эффектно выступила Майя Браило. Я не помню, что она защищала, но помню как. Своим красивым сильным голосом и эмоциональными жестами она так артистично убеждала присутствующих в своих результатах поиска истины, что сорвала аплодисменты. Это было замечательно!

Мы все получили отличные оценки.

А потом был выпускной бал. Празднество проходило в старом здании университета. Были поздравления, благодарности, банкет, песни, танцы, но я этого ничего не помню. А помню, что часов в 5 утра вдруг появился Александр Иосифович, оторвал нас от кавалеров, посадил в свою машину и увез на Воробьевы горы. Мы вышли на смотровой площадке. Новое здание университета (оно было только что построено) выглядело как неведомый сказочный замок или храм, а под нашими ногами – Москва.

Начался рассвет, все озарилось розовым цветом – и город, и университет, и девочки в светлых нарядных платьях, и Шальников в своей замшевой курточке! У меня от такой красоты дыхание перехватило, защемило сердце. Вот это был подарок, который никогда не забудешь.

Мы решили подарить А.И. тоже что-нибудь красивое и купили роскошную корзину цветов. В корзине были шесть кустиков роз, все разного цвета. Наш подарок вызвал у А.И. восхищение. Он мгновенно дал всем растениям наши имена. Но дня через три цветочки начали увядать. А.И. поднял тревогу. Все, кто хоть что-нибудь понимал в растениях, давали советы – чем и как их поливать, чем удобрять, как опрыскивать. А.И. все это выполнял, но страшно нервничал, так как считал, что результат этих действий должен проявиться немедленно. А потом еще на розах появилась тля. Это была уже не беда, а катастрофа, так как А.И. боялся и ненавидел насекомых. Как он настрадался с нашим подарочком! Пришлось обратиться к институтской садовнице. Она пересадил розы в грунт и стала за ними профессионально ухаживать. А.И. постоянно их навещал и сообщал, как идут дела: «Айза снова расцвела, у Вали появился бутон, а Вы, дорогая моя, все еще загибаетесь».

Через некоторое время мы все оклемались и зацвели.

Вот так красиво завершилась наша неповторимая студенческая пора

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

После окончания университета надо было получить направление на работу. Этим занималась специальная Государственная комиссия, в которую стекались заявки от различных учреждений. На тех, кто уже доказал свою состоятельность, кафедры и предприятия, на которых они проходили практику, могли подать именные заявки.

Остальных комиссия распределяла по своему усмотрению. Распоряжение комиссии должно было быть выполнено, и спорить с этим было практически безнадежно.

Почти всем выпускникам хотелось остаться в Москве. Нашему курсу повезло – в год нашего окончания вступало в строй новое здание Университета на Ленинских горах, и поэтому были выделены дополнительные места для аспирантов и научных сотрудников. И, тем не менее, многим предстояло покинуть Москву.

В комнату, где заседала комиссия, вызывали по одному, а остальные толпились в коридоре у двери, поджидая результаты распределения вошедшего, да и своей участи. Довольно быстро выработался некий ритуал. Входящий в эту страшную комнату оглядывался и бодро произносил: «До встречи на перроне!», надеясь, что все-таки «пронесет».

Тут я должна сделать некоторое отступление в прошлое. Еще когда я была на четвертом курсе, я заметила, что мне слишком часто попадается на глаза лицо некоего мужчины значительно старше меня, вполне благообразного. Потом я осознала, что он меня просто преследует. Мы тогда все занимались в читальном зале библиотеки Университета (дома почти ни у кого не было подходящих условий, да и учебников не было). Вот сидишь за длинным (человек на 20) столом и чувствуешь, что на тебя кто-то пристально смотрит, отрываешь глаза от книги – он! Пересаживаешься за другой стол... Через несколько минут история повторяется и неоднократно. Ужас! Заниматься невозможно. Надо уходить домой. Но вдруг он увяжется? Найти провожатого среди приятелей проще простого – в то время было принято провожать девушек до дома, тем более, что и дом-то близко, всего лишь надо перейти по Каменному мосту Москвареку (именно так, слитно в одно слово, москвичи называют главную реку в своем городе), а там уже и моя Якиманка.

Провожатые были разные и разговоры тоже. С Турчиным мы «философствовали», Марат читал мне стихи поэтов Серебряного века, с Вадимом Нестеровым мы говорили о театре и строили планы, в какой бы еще театр пойти, хотя весь театральный репертуар уже пересмотрели, а Юра Романовский... на ходу сочинял сказки. В общем, шли и «чушь прекрасную несли». Правда, «фонтаны голубые и розы красные» по пути не попадались, но все равно было здорово, и я была временно спасена!

Мой преследователь являлся довольно часто. Сначала это меня забавляло, потом начало злить, и в результате я его возненавидела и страшно боялась встретить в очередной раз. А он был вездесущ – пару раз я его видела даже в Физпроблемах! Тетя Надя, которой я проговорилась, посмеивалась надо мной, а его называла «воздыхатель». Временами она интересовалась как развиваются события, намекая на что-то романтическое. Какая там романтика! Я его ненавидела и до смерти боялась.

Я, произнеся заклинание «До встречи на перроне!», вхожу в комнату, где заседает Госкомиссия, и (о, счастье!) получаю распределение в Москве – на объект тов. С. в математический отдел. Подписываю какую-то бумагу и, пребывая в восторженном настроении, иду в следующую комнату, где мне разъясняют, что значит «объект тов. С.», где это находится и когда туда надо явиться.

В назначенный день, одевшись «поприличней» (это означало, что я погладила свое единственно подходящее платье и тщательно причесалась), я отправилась поступать на работу. Настроение было прекрасное. Наверное, как обычно, я что-то напевала. В отделе кадров объекта тов.С. я заполнила необходимые анкеты и отправилась беседовать с заведующим математическим отделом. Вхожу в соответствующий кабинет. Заведующий поднимается из-за стола и с приветливой улыбкой направляется ко мне. И тут я понимаю, что это опять он – мой преследователь! От ужаса, охватившего меня, я не умерла, но, по-видимому, обезумела. Я пулей вылетела из кабинета, промчалась через охрану за ворота института и понеслась по улице. Бежала «куда глаза глядят». Через некоторое время я, естественно, оказалась в лаборатории Шальникова.

Мой прилет оторвал Александра Иосифовича от эксперимента. Он с испугом взглянул на меня: «Что с Вами?». Я рассказала, как ходила устраиваться на работу и сбежала оттуда. Мой рассказ заканчивался решительной фразой: «Я ни за что туда работать не пойду!» А.И. страшно развеселился – наверное, представил, как все это происходило, и спросил: «А почему не пойдете? Замечательный институт, математический отдел. Ведь Вы хотели стать математиком. На Вас была подана специальная заявка. Что за фокусы?»

Пришлось поведать всю страшную предысторию. А.И. прерывал мой трагический рассказ ироничными репликами, его веселое настроение не кончалось. Когда я выдохлась, он сказал: «Перестаньте валять дурака. Никто Вас там не съест – Вы преувеличиваете свою гастрономическую привлекательность». «Пусть меня зарежут, но я туда не пойду!» - упиралась я. «Успокойтесь, и резать Вас нет никакого смысла», - со смехом подхватил А.И., а потом серьезно сказал: «А вот под суд Вы попадете, если не пойдете работать, и испортите себе жизнь. Посадить Вас может быть и не посадят, но зашлют в такую тьмутаракань, из которой потом не выберетесь. Если Вам не жалко себя, то пожалейте хотя бы свою маму».

Маму, действительно, было жалко, но пойти работать в этот математический отдел я не могла себя заставить. Полная безысходность. Я с трудом сдерживалась, чтобы не разреветься. А.И. совершенно не выносил девичьих слез, это его страшно расстраивало. Он обхватил голову руками и несколько раз повторил: «Не знаю, что с Вами делать», и вдруг: «Сегодня в институте Анатолий Петрович (Александров, директор института), давайте сходим к нему – может быть он что-нибудь придумает».

Пока мы поднимались на второй этаж к директору я осознала всю свою ничтожность (эта жуткая истерика, да и от наведенного утром блеска не осталось и следа: морда в слезах, волосы растрепаны). Меня заедала совесть, я готова была сквозь землю провалиться, но было уже поздно – А.И. втащил меня за руку в директорский кабинет. Анатолий Петрович поприветствовал нас и спросил, что случилось. «Ну, вот, она плачет», - с грустью сказал А.И. «А почему она плачет?», - заинтересовался Анатолий Петрович. Шальников коротко рассказал, что произошло. Узнав, кто заведует злополучным математическим отделом, Анатолий Петрович, вдруг неожиданно повеселев, сказал: «А ты знаешь, Шура, ее можно понять!». «Да, но с этим распределением уже ничего нельзя поделывать!» - ответил Шальников. «Ну почему нельзя? Давай примем ее в аспирантуру!» - возразил Александров. «Да это уже поздно», - сказал А.И. совершенно убитым голосом. Позвали Зинаиду Васильевну Короткевич, которая исполняла обязанности отдела кадров.

Она подтвердила, что действительно поздно, – осталось всего два дня до окончания приема, а надо сдать три экзамена, да и заявки на меня в Отдел аспирантуры не подано.

«А давай примем у нее экзамен по физике прямо сейчас!» - решительно сказал Анатолий Петрович. Забрешивший в моей душе покой снова был сметен волной страха: «Как сейчас? Я же не готовилась к экзамену!» «А вот мы и узнаем, чего Вы стоите на самом деле», - победоносно произнес А.И. «Ну хоть через 15 минут», - попросила я. (Конечно, за 15 минут физику не выучить, но хотя бы умыться и причесаться!). «Нечего время терять!», -- настоял А.И.

Мгновенно была созвана экзаменационная комиссия. Я не помню, кто в нее входил, кроме Евгения Михайловича Лифшица, который сформулировал первый вопрос. Конечно, речь шла о температуре Дебая. «Конечно» -- потому, что, как следует из моего последующего многолетнего опыта, это самый популярный вопрос на экзаменах в ИФП, его задают всем. К счастью, я кое-что помнила и на него благополучно ответила. Что еще спрашивали, я уже не помню. В общем, этот экзамен я сдала и побежала сдавать остальные.

Вот так я попала в аспирантуру, а проблемы с Госкомиссией и объектом тов. С решились без моего участия.

Свадьба

С некоторых пор Александра Иосифовича стало волновать и устройство моей личной жизни. Обсуждая со мной проблемы изготовления и исследования сверхпроводящих пленок олова и ртути, он вдруг начал заглядывать под столы, стулья, за шкаф – во все углы, приговаривая «нет, что-то я ничего не вижу». Явно что-то искал. На мой вопрос, что же он ищет, он ответил: «Как что? Черепки от сердец! Почему их нет?». Я даже не сразу врубилась. Все расхохотались.

На следующий день эта игра повторилась, и в нее включились Миша с Колей. Они предлагали самые невероятные места, где могли быть спрятаны черепки и веселились. Дня через два к ним присоединился и наш лаборант Геня, хотя был законченным

меланхоликом. Он никогда не смеялся и даже не улыбался. Геня привел нашу уборщицу тетю Валю, и Шальников при всех строго спросил ее, не выметала ли она черепки от сердец. Тетя Валя страшно перепугалась, божилась, что ничего подобного она не совершала. Но если ей объяснят, что пропало и как оно выглядит, то она перероет всю помойку и найдет. Пришлось мне активно вмешаться и напомнить А.И. о моей клятве, данной ему при моем поступлении на кафедру: «Никаких лирических историй, я буду только работать». Шальников временно отступил.

Но на следующее утро он похвалил меня за потрясающую конспирацию и задал следующий вопрос: «А где «сцена у фонтана»? Она должна быть. И ее то Вы не спрячете!». Да о такой сцене в то время я даже не мечтала. Все мои душевные силы уходили на грызение гранита науки, так как предстоял кандидатский экзамен по физике. Тогда Миша с Колей решили сами её организовать. И тут уж их фантазиям не было предела. Чтобы подыграть шефу, они страстно обсуждали, где и каким образом устроить фонтан и организовать мою внезапную встречу с самыми невероятными кавалерами. Претендентов на эту завидную роль предлагалось великое множество. А как обсуждались предполагаемые результаты этих сцен! Даже жалко, что этим планам не суждено было осуществиться -- некоторые идеи были страшно интересны. Все веселились, а я, с трудом сдерживая смех, все сносила молча, изображая бессердечную «ученую мымру».

Наконец, Шальникову это надоело, терпение его кончилось, и он серьезно сказал мне: «Дорогая моя, Ваша клятва – чушь собачья. Даю Вам неделю, и чтобы Вы вышли замуж!». Отдав это распоряжение, А.И. быстро вышел из комнаты. Все затихли, а он приоткрыв дверь, добавил: «Только не за Алексеевского!» (С Алексеевским он был в ссоре, и отдать меня врагу ему было всё-таки жалко).

Ослушаться я, конечно, не могла, и ровно через неделю принесла Шальникову красочное, нарисованное моей соседкой художницей, приглашение на свадьбу. В его глазах возникло трагическое выражение тоски, он просто застонал: «Послушайте, ну что Вы наделали! Но нельзя же воспринимать все так буквально! Кто этот негодяй?» «Все, уже поздно!» – победоносно ответила я. Увидев, что я не очень то горюю, и, узнав, что Алексеевский тут не причем, он успокоился, но как-то погрузтел.

На следующий день А.И. сказал мне: «Я понимаю, что каждой девушке хочется побывать в белом, длинном, «подвенечном» платье, но все-таки следует хорошенько подумать перед тем как принимать столь судьбоносное решение».

Мудрый совет я пропустила мимо ушей, а идея о подвенечном платье, которая мне и в голову не могла прийти, напомнила мне одну из семейных легенд о бабушке с дедушкой. Когда они собрались пожениться, бабушка вдруг отказалась венчаться! (Она посещала Бестужевские курсы и была передовой женщиной тех лет, а дедушка вообще называл ее «революционеркой»). Столь дерзкий поступок вызвал негодование благородного семейства Прозоровых. Бабушку долго уламывали и, наконец, она согласилась на церковную церемонию, но «только не в подвенечном наряде, а в юбке с кофтой!» Эта отчаянно смелая по тем временам выходка шокировала всю родню и пополнила список трагикомических семейных историй, которые до сих пор пересказываются. К счастью, она не оставила негативного следа и не испортила молодым жизнь.

Я решила не повторять бабушкин подвиг и сшить себе свадебное (белое длинное до полу) платье. Фату я отвергла, а от «флёр де оранж» (это бело-розовые цветы апельсинового дерева, украшающие голову невесты) не смогла отказаться – уж очень хотелось прихорошиться.

Обсудили мы с Шальниковым и возможную смену фамилии. Менять мою фамилию на фамилию Адамович он мне не советовал: «Адамович – не всегда модно, могут быть неприятности». Я послушалась и оставила свою

В то время не было еще Дворцов бракосочетаний, не в моде были обручальные кольца, подвенечные наряды, букеты невест и другие свадебные атрибуты – это все

считалось «наглым мещанством». Не многие знали и знаменитый теперь свадебный марш Мендельсона. Бракосочетания происходили в ЗАГСе, безо всякой предварительной записи. Можно было в любой день забежать в это учреждение, отстоять небольшую очередь к служащему ЗАГСа, который регистрировал все: браки, разводы, рождения, смерти, смену фамилий и т.д., написать заявление, уплатить госпошлину и минут через пять получить нужную бумагу и штамп в паспорте.

Мы с Маратом зайти в ЗАГС в назначенный срок не смогли, так как я простудилась и свалилась с высокой температурой. Но само торжество отложить было невозможно, потому что съехалась родня из Киева и Кинешмы, и было заготовлено угощение. За два дня до свадьбы ко мне пришла моя будущая свекровь Елизавета Ивановна. «Ты у меня встанешь!» – решительно заявила она и стала меня усиленно лечить растираниями, компрессами, уколами. Приезжала по несколько раз в день. И действительно в день свадьбы 15 ноября я поднялась с постели. Выглядела ужасно: я была зеленая с черными кругами под глазами. Тетя Надя потащила меня в парикмахерскую, чтобы сделать красивую прическу. Парикмахер колдовал над моими волосами целый час и в результате сделал из меня «людоедку Эллочку». Когда мы вернулись домой, и соседи, и родственники просто умирали со смеху, глядя на меня. Пришлось прическу размочить и заплести обычные косы. Я всегда тяжело поддавалась усовершенствованию. Положение спасло только красивое белое платье.

А.И. заехал за мной и повез меня на своей машине в дом жениха, где и должно было происходить пиршество. Адамовичи жили на Тулинской улице в двухэтажном доме с красивым фасадом, украшенным керамическим панно с тремя богатырями. Но дом давно не ремонтировался, и на второй этаж, где была их квартира, вела жуткая полуразрушенная лестница, населенная кошками. Под их мяуканье, заменившее марш Мендельсона, мы торжественно вошли в квартиру. Там нас уже ждали собравшиеся родственники и друзья.

А.И. познакомился с Маратом и одобрил мой выбор (конечно после того как узнал, что он работает в лаборатории В.И. Векслера). Потом мы пошли знакомиться с гостями. А.И. каждому пожимал руку, говорил, что он Шальников и представлял меня. Он наделял меня невероятно чудесными качествами, приплетая для доказательства всякие истории из нашей лабораторной жизни. Настроение гостей с каждым нашим шагом поднималось. И когда мы дошли до дяди Сережи (дедушки Марата), восхваление моей персоны уже совершенно зашкаливало, а голос Шальникова с трудом продирался сквозь дружелюбный смех присутствующих. Дядя Сережа (это был красивый, строгий, седовласый старик) осмелился спросить: «А может ли невеста как Василиса Прекрасная....?» «Конечно может, все может – это мы её вырастили!» - не дослушав вопроса, заявил А.И. и приступил к свадебным подаркам.

Один подарок предназначался мне, а другой... вовсе не жениху, а свахе! Все стихли и замерли от изумления. Чтобы прервать возникшую немую сцену А.И. пояснил: «Олечка (жена А.И.) сказала, что свахе положено дарить шаль», . «Какой свахе?» - рассмеялась я – «никакой свахи не было!»

«Так я и поверю, что вы смогли за семь дней самостоятельно подцепить и охмурить такого «шикарного парнишу!» - как всегда начал поддразнивать меня Шальников. (Образ людоедки Элочки с утра витал надо мной).

«Да это я ее охмурил семь лет»,- защитил меня Марат. Как ни странно, Марату А.И. поверил и принял решение: «Тогда... отдадим шаль Вашей бабушке».

От участия в свадебном пиршестве он наотрез отказался, а я-то надеялась, что он будет «посаженым отцом». (С отцами мне явно не везло). Шальников уехал, а «свадьба пела и плясала». В общем, было весело.

Потом А.И. не раз вспоминал и рассказывал, как он ловко выдал меня замуж.

ДОЧКА

Все шло хорошо: я с увлечением и даже в какой-то степени результативно работала. Но предсказанные Шальниковым неприятности, связанные с моим появлением в лаборатории, тем не менее возникали. Первая («шуры-муры») прошла незаметно. Вторая тоже не очень помешала нашей работе – после моего замужества только Коля на две недели удалился в библиотеку и перестал со мной разговаривать. Но через год с небольшим стала приближаться следующая, самая серьезная – дети!

Поначалу ее угрозу удавалось скрывать с помощью специальной одежды, но не долго. Однажды я упала в обморок около гелиевого ожижителя, и всё всем стало ясно. В то время ещё не было транспортных гелиевых дьюаров, и жидкий гелий в приборы заливался прямо из ожижающей машины. Поэтому экспериментатор должен был притащить свой прибор в гелиевую мастерскую и во время заливки гелия, стоя с двумя фенами в руках, отогревать обмерзающие резиновые шланги. Мой прибор заливался около часа, и я ... не устояла. А.И. испугался, страшно раскричался (конечно, больше всех досталось мне) и отдал суровое распоряжение: отныне таскать и заливать гелием мой прибор должен был Геня.

Когда размеры моей талии стали просто угрожающими, А.И. начал интересоваться, когда же я, наконец, уйду в положенный отпуск. Я объяснила ему, что аспиранткам декретный отпуск не положен. В сентябре срок моей аспирантуры кончается, а мне еще надо кое-что доделать. Так что буду работать до последнего! Энтузиазм очередной раз захлестнул мой разум.

«Дорогая моя, я уже боюсь даже заглядывать в Вашу комнату. Отправляйтесь домой и не приходите, пока все не совершится. Черт с ней, с диссертацией!», - скомандовал А.И. Он, действительно, волновался. Миша обратил мое внимание на то, что с некоторых пор, прежде чем зайти к нам в комнату, А.И. приоткрывал дверь и через щелочку изучал обстановку. Пришлось послушаться: собрать манатки и уйти домой.

Два дня я наводила дома порядок, а потом пошла гулять. По Полянке я дошла до Серпуховской площади, на которой стоял пятиэтажный универмаг. На первом этаже что-то «давали». Меня притиснули к прилавку, а в это время появился дополнительный продавец, который спросил меня: «Выписывать?». Я согласилась. Выбравшись из толпы, я поняла, за чем «давился народ». Продавали стиральные машины. Это была страшная редкость, и мне жутко повезло. Я заплатила, и мне выкатили машину «ЗВИ». Она была маленькая, цилиндрическая, но, конечно, тяжелая. В то время никакой доставки товаров домой не было. Можно было остановить какой-нибудь грузовик и попытаться договориться с шофером. Но я не сумела это сделать. Пришлось мне с машиной добираться до дома своим ходом, благо машина была на колесиках. До дома мы доехали легко, но предстояло взгромоздить машину на 4 этаж (лифта в нашем доме не было). Это было посложней, но я тоже справилась. Очень довольная собой, я уставшая прилегла на диван и почувствовала, что я переусердствовала. У меня стала болеть спина, и вообще что-то изменилось.

Но тут пришли мои подружки Нина и Рита, и мы всласть стали обсуждать новости физпроблем – все, что произошло после моего ухода. На какое-то время мне полегчало. Веселились страшно, но боль вновь стала нарастать. Я позвонила от соседней маме и рассказала о своем состоянии. Мама потребовала немедленно отправляться в роддом. Но мне казалось, что еще рано. Преодолевая боль, я продолжала активно участвовать в перемывании костей друзей и знакомых, веселое настроение не снижалось. Через некоторое время пришел с работы Марат и присоединился к нашему веселью.

Наконец приехала мама и прекратила эту «вакханалию». Мама послала Марата за такси, скомандовала мне собираться. Со смехом и добрыми пожеланиями девочки всадили меня в машину. И отвезли меня на Пироговку в Институт акушерства и

гинекологии 1-го медицинского института, потому что моя свекровь считала, что все медицинские мероприятия должны происходить в «Первом меде», поскольку только этим врачам она доверяла. А Елизавету Ивановну в нашей семье слушались все!

Моё настроение резко поменялось и я осознала серьёзность ситуации как только зашла в предродовую палату. Это была большая комната уставленная кроватями, в которой царили полумрак и стон (а порой и крик, и проклятья) десятка женщин в предродовых муках. Весь медицинский персонал был занят «особыми трудными случаями» (такова была специализация этого учреждения) и ко мне, так как мой случай был ординарным, приставили двух студентов. Это были парень и девушка со светящимися лицами и горящими глазами. Они были явно влюблены друг в друга. Надо сказать, что я их страшно стеснялась (лежишь перед ними полураздетая в неизящной позе), а они (будущие медики!) меня нет. Прежде всего студенты приступили к созданию моей медицинской карты. В этой обстановке их вопросы и мои ответы сложно было расслышать. Мы с трудом пробились через мои паспортные данные и перешли к списку перенесённых болезней. Дошли до скарлатины... и тут молодых людей захватил любовный экстаз: они начали целоваться, наплевав на меня, мою карту и предстоящий зачет.

Возникла совершенно потрясающая сюрреалистическая картина: целующиеся влюблённые на фоне корчащихся от боли полуголых страдалиц-рожениц. Забыть это невозможно. Не знаю, приходил ли в голову кому-нибудь из художников такой сюжет. Это посильнее женской бани.

Время шло, но картина практически не менялась. Даже мои усилившиеся стоны и мольбы о содействии не смогли её разрушить. Да, «любовь – это страшная сила!»

Когда моё состояние приблизилось к критическому, откуда-то возникла акушерка. Совершенно не обратив внимания на ребят, она взяла меня за руку и отвела в соседнюю комнату, где принимали роды.

В три часа ночи у меня родилась дочка. А через некоторое время, как только мне удалось уснуть в обычной палате, студенты разбудили меня: они очухались и им надо было дописать мою медицинскую карту. Сквозь сон я отвечала на какие-то их вопросы, может быть и невпопад, но для зачета это было по-видимому достаточно. Молодые люди поздравили меня и мы к всеобщей радости распрощались, пожелав друг другу счастья.

Ранним утром меня навестила Елизавета Ивановна. Вообще-то, посещения в роддоме были запрещены, но она была профессор из соседней клиники, и ей это разрешалось. Ее сопровождал главврач нашего отделения, с которым она была в приятельских отношениях. Это был пожилой профессор с добрым, улыбчивым лицом. Прежде всего, он поздравил всех обитателей нашей палаты с успешным прохождением одного из главных этапов нашей жизни. Ему пришлось познакомиться не только со мной, но и со всеми «мамочками». По-видимому, он очень уважал мою свекровь, потому что объявил, что берет всех нас (а это 10 человек) «под своё личное наблюдение». И, действительно, заходил к нам каждый день.

Первое время мы все пребывали в полудремоте и дружно оживлялись, когда привозили на кормежку детей. Дети содержались в отдельном помещении, из которого постоянно доносился нестройный разноголосый писк, как на птицеферме. Заходить туда было строжайше запрещено – там было все суперстерильно! Детишки все были помечены: ко всем четырём конечностям были привязаны ярлычки из детской клеенки, на которых были написаны фамилия и инициалы матери и дата рождения ребенка с точностью до минут. Привозили их нам каждые три часа. Младенцы были спеленуты и в чепчиках так, что открытым оставалось только крошечное личико с большим ртом. Транспортным средством служила огромная специальная каталка, на которой они были правильно разложены. И медсестры с необычайной скоростью безошибочно раздавали их нам. Разворачивать их не разрешалось, но если случайно одна из конечностей младенца выбивалась из-под одеяльца, то можно было удостовериться, что ребеночек твой

родненький. А потом надо было аккуратно запихнуть эту оголенную часть тельца обратно, чтобы не рассердить строгий медперсонал.

Наш роддом был одним из лучших, и его демонстрировали всяким великим деятелям. И вот однажды после обхода к нам в палату зашел наш палатный врач и попросил нас тщательно умыться и причесаться и убрать всё с тумбочек кроме цветов. Нам в очередной раз сменили постельное бельё, и было велено лежать не шевелясь, чтобы его не измять. Ожидался визит важной персоны. Мы все это выполнили. Лежали и пытались угадать, кто же появится. Решили, что какое-нибудь начальство с инспекцией, некоторые уже начали придумывать, на что бы пожаловаться. Но я считала, что все прекрасно.

Лежать и ждать пришлось довольно долго. Мы уже рассказали все анекдоты, которые помнили, и перешли к обсуждению трагической женской доли, как вдруг из коридора донесся шум, и в палату торжественно вплыла процессия, которую возглавляли наш главврач и (не поверите!) сама Индира Ганди. Конечно, мы и понятия не имели, как должна выглядеть эта замечательная женщина – ведь телевизоров почти ни у кого не было. Но мы ее «вычислили» по необыкновенно красивому темно-синему сари, выглядывавшему из-под медицинского халата, и украшениям, а о визите Индиры Ганди в Москву мы знали из радиопередач.

Пока главврач через переводчика рассказывал ей об Институте акушерства и гинекологии, она восторженно оглядывала помещение, затем прошлась по палате и каждой из нас улыбнулась, а потом произнесла небольшую речь. Что она говорила, никто из нас не понял, но было ясно, что она в восхищении. Нам всем она показалась очень красивой. Мы были настолько ею очарованы, что три мамы решили назвать своих родившихся девочек Индирами. Не знаю, осуществились ли эти замыслы. Я удержалась.

На седьмой день после родов нас всех должны были отправить по домам. Но накануне у меня поднялась температура, и наш главврач (как жаль, что я не помню его имени) сказал мне, что придется задержаться, потому что, если со мной будет что-нибудь не то, то Апасова (это моя свекровь) голову ему оторвет!

На следующее утро в мою опустевшую палату пришла Елизавета Ивановна и сообщила, что она забирает меня домой «под расписку». Как ни любила она свой Первый мед, но все-таки решила, что дома мне будет лучше. Возражать было бесполезно.

Поэтому никакого торжественного покидания роддома для нас с дочкой не случилось. На какой-то больничной машине нас отвезли домой.

Дома никого не было, и к нашему прибытию ничего не было готово. Е.И. сняла со стола клеенку, постелила ее на разложенный диван, накрыла все простыней и сказала, что ребеночек может находиться на этом ложе, пока ему не купят кроватку. Мне разрешалось прилечь рядом, что я и сделала, как только Е.И. удалилась на работу.

Довольно скоро раздался стук в дверь и появился Шальников. Он ехал на машине мимо моего дома и решил заглянуть и выяснить, куда я пропала и вообще что со мной, почему не звоню – ведь все волнуются. Я действительно была виновата, что не позвонила, мне и в голову не пришло, что это надо было сделать.

«А где все? Почему Вы одна?» - спросил А.И. «Все на работе, а я не одна, а с дочкой. Посмотрите, какая она хорошенькая», - ответила я. «А это правильно, что она такая маленькая?» - поинтересовался А.И. Сверточек с дочкой на этом огромном диване выглядел действительно миниатюрным. Я его успокоила, сказав, что все параметры в норме.

«Но все-таки это неправильно, что Вы одна – Вы же ничего не умеете. Вы хотя бы знаете, что у ребенка должны быть свои кровать, коляска и куча других вещей? Вы же ничего не приготовили!», - не унимался А.И. Тут я ему поведала, что существует такое поверие: ничего нельзя покупать до рождения ребенка. И все этому следуют. Как он на меня взглянул! Уничтожающим взглядом! Лучше бы я промолчала и сошла просто за

лентяйку. А чтобы добить меня окончательно, А.И. решил выяснить, как я отношусь к черным кошкам.

«И еды в Вашем доме, конечно, тоже нет», - продолжал исследовать обстановку А.И. Вообще-то, вопрос был не праздный: холодильника у нас ещё не было, и заботиться о еде приходилось каждый день. Я пыталась его успокоить, говорила что есть не хочу, так как утром поела в роддоме, а потом я что-нибудь найду и сварю. «Значит, о том, что если Вы не будете как следует питаться, то ребенок погибнет с голоду, Вы тоже не имеете представления», - заключил Шальников, и со словами, что все – безобразие, и только черт знает что это такое, он удалился. Я опять его огорчила, и он даже не попрощался. Но мне горевать было некогда, надо было налаживать жизнь в новых условиях.

Часа через два А.И. снова появился. Он принес кастрюлю с бульоном, в котором плавала целая курица («Оленька сварила») и передал, что Ольга Григорьевна советует есть хотя бы четыре раза в сутки. Увидев, с каким восторгом я прореагировала на приношение (есть на самом деле очень хотелось, и, конечно, я себя выдала), он успокоился и даже повеселел. Я пообещала А.И., что уже завтра всё будет в полном порядке.

Так оно и было: мы купили кроватку, а родные, друзья и соседи буквально завалили нас полезными подарками, и всё наладилось. И стали мы жить-поживать замечательно, хотя стиль жизни кардинально изменился.

Прошел месяц со дня рождения дочки, и все родственники собрались у нас, чтобы отметить это событие. Конечно, возник вопрос, как дочку назвать. Мы с Маратом выбрали имя Анна. Но встал дядя Сережа (который почему-то оказался в Москве), поднял рюмку с водкой и сказал: «Уважьте старика – не называйте дочку Нюркой!» По-видимому, в Кинешме, где жил дядя Сережа, к имени Анна относились почему-то пренебрежительно. Старика уважили и открытым голосованием решили назвать нашу дочку Ольгой. Я согласилась – ведь не в имени счастье, а в том, что она у нас родилась!

Встреча с П.А. Капицей

С возвращением П.А. Капицы в ИФП был установлен прежний порядок. Лаборатории, возникшие за время его отсутствия, были переведены в другие институты, а оставшиеся должны были занять свои прежние рабочие помещения. Так как Капица всех сотрудников принимал на работу сам (это был один из его принципов), то все сотрудники, не прошедшие его суровую «приемку», должны были ее пройти. На аспирантов это правило не распространялось, и мы могли спокойно трудиться до окончания срока аспирантуры.

1 октября 55 года срок моей аспирантуры закончился и мое законное пребывание в ИФП тем самым тоже. Диссертационная работа была не доделана. Для того чтобы я могла ее закончить, А.И. разработал такой план: мне был выписан пропуск в институт, но я должна была приходить на работу на 15 минут раньше всех, а уходить соответственно позже, во время рабочего дня не выходить из своей комнаты, не болтаться в коридоре и библиотеке, чтобы никто не мог донести начальству, что в институте посторонние люди.

Я так и действовала. Это работало месяца полтора, но однажды я, убегая домой посреди рабочего дня, чтобы покормить дочку, столкнулась в коридоре с самим Капицей. Мы оба замерли: он - от негодования, так как не выносил «нарушения порядка», а я – от ужаса, что подвела Шальникова (в ту пору между ним и Капицей и так были натянутые отношения). Немая сцена длилась, наверное, несколько секунд, но мне показалось, что очень долго. Затем П.А. спросил: «Вы чья?». Пришлось признаться «чья». Дальше следовала разборка. Я и Шальников были вызваны к директору. П.А. спросил меня: «Что Вы делаете в институте?». А.И. молчал и грустно смотрел в пол. Я стала говорить, что срок моей аспирантуры закончился, а работа не доделана..., но Капицу интересовало совершенно другое (в то время я еще не умела распознавать смысл его вопросов) «Нет,» - перебил меня он – «Вы расскажите, что пытаетесь понять и с кем работаете», -. Это было не сложно. Я успокоилась, подошла к доске, взяла мел и рассказала все, что знала про сверхпроводимость. «И что Вы собираетесь дальше делать?», - спросил Капица. Я опять не поняла вопроса и стала рассказывать, что мой непосредственный руководитель М.С. Хайкин начал исследовать циклотронный резонанс – явление недавно предсказанное харьковскими теоретиками Э. Канером и М. Азбелем. Я в некоторой степени принимала участие в подготовке этих экспериментов и, конечно, мечтала прикоснуться к этим исследованиям. В меру своего понимания я попыталась осветить Капице величие хайкинских замыслов, но к циклотронному резонансу П.А. не проявил интереса и задал

уточняющий вопрос: «Сколько Вам надо времени, чтобы закончить диссертацию?». «Месяц», - ответила я, а Шальников поправил: «Лучше – три!». «А где Вы служите?» - поинтересовался Капица. «Нигде», - ответила я. «А у Вас есть семья?». «Да, муж и четырехмесячная дочка». «А почему бы Вам не посидеть с ней дома?». «Я должна закончить диссертацию», - солдатски ответила я.

П.Л. задумался... и отдал распоряжение – найти для меня какую-нибудь подходящую ставку. Меня оформили лаборантом. Теперь я могла никого не бояться и не прятаться, спокойно общаться с друзьями и коллегами, ходить на семинары и в библиотеку. Неожиданно для нас с А.И. все благополучно разрешилось.

Но все равно оставался открытым вопрос о моем дальнейшем трудоустройстве. Шальников считал, что для меня лучше всего пойти к Евгению Константиновичу Завойскому, который тогда работал в Курчатовском институте. Е.К. не возражал и, как мне показалось, даже обрадовался, что я приду в его лабораторию. К оформлению сотрудников в Курчатовском институте относились основательно и происходило это крайне медленно. Я подала в отдел кадров все нужные документы. Месяца через два мне сообщили, что меня могут принять на должность техника. Это решение вызвало негодование не только А.И., но и всей лаборатории – все считали, что я достойна большего. А.И. позвонил Завойскому. Тот тоже удивился такому решению кадровиков и обещал «что-нибудь сделать». Через несколько дней выяснилось, что меня могут взять на должность м.н.с., но для этого надо получить звание младшего научного сотрудника. Такое звание может присвоить мне Ученый совет ИФП, если сочтет меня достойной после моего доклада о моей научной деятельности на совете.

И вот на ближайшем совете я докладывала все свои результаты. Вдруг Капица прерывал меня: «А зачем Вы это нам рассказываете? Я это уже слышал». П.Л. очень дорожил своим временем. Я объяснила зачем. «Ну, ладно, - согласился он, - но потом зайдите ко мне». «Будет взбучка», - подумала я. Переживу и это.

После совета у дверей директорского кабинета толпились несколько человек. Секретарь Капицы Павел Евгеньевич Рубинин пропустил меня к директору первой. П.Л. предложил мне сесть и сказал: «Зачем Вам идти в Курчатовский институт? Я могу предложить Вам более интересную работу – у меня в Физической лаборатории». Вот это да! Не знаю, чем я заслужила это предложение своим дурацким упорством доделать диссертацию, несмотря на грудного ребенка, или знакомством с СВЧ-техникой, но я осталась в Физпроблемах! В этот раз без всяких слез.

Вообще-то П.Л. считал, что женщинам не место в лаборатории. Наше дело – Kinder, Küche, Kirche (он мне не раз об этом напоминал). И, тем не менее, в Физической лаборатории была одна замечательная лаборантка Лидия Михайловна Владимирова. Капица как-то шел по поселку Николина Гора и вдруг увидел, как женщина в одиночку перекрывает крышу своего дома. Это так его поразило, что он предложил ей пойти к нему работать. Это была милостивая, мудрая и доброжелательная женщина, абсолютно спокойная. Невозможно было поверить, что все годы войны она провела на фронте, часто на передовой. О войне Лидия Михайловна не любила рассказывать, но однажды я все-таки слышала её воспоминание о форсировании Днепра, в котором участвовала ее воинская часть. Всего

несколько фраз. Но это было так ярко и страшно, что этот рассказ поразил меня буквально до дрожи. До сих пор забыть не могу.

А в нашей мирной жизни был такой случай. В большом экспериментальном зале собиралась установка для исследования плазмы. Детали этой установки, да и питающий ее СВЧ-генератор ниготрон, изобретенный Капицей, были крупными и очень тяжелыми. Для монтажа использовалось специальное устройство – «кран-балка» (это некая балка, подвешенная довольно высоко, которая могла передвигаться вдоль зала по рельсам, расположенными под потолком. На ней были укреплены различные приспособления: крюки, цепи, блоки, запасные детали и т.д. Передвижение этой конструкции вверх-вниз и по залу регулировалось электричеством с помощью специального пульта). Однажды возникла техническая неисправность, и кран-балка самопроизвольно с хорошей скоростью и диким скрежетом начала двигаться вдоль зала, размахивая своими тяжелыми причиндалами. Через несколько секунд она бы расколошматила и новую установку, и стойку с радиоаппаратурой. Зрелище было ужасающим. В зале было человек восемь, но все (инженеры, лаборанты и даже дежурный электрик) оторопели от страха – стояли в оцепенении, впяливши свои взоры в сбесившееся чудовище, и ждали катастрофы. И только Лидия Михайловна мгновенно приняла единственно правильное решение: добежала до главного рубильника и «вырубила электричество». Всё погрузилось во тьму, но балка остановилась, а новая установка и дорогая аппаратура были спасены. Вот такая необыкновенная женщина работала в Физической лаборатории. Её все очень уважали и любили.

Через месяц после упомянутого Ученого совета я была переведена в Физическую лабораторию, руководимую П.Л. Капицей, и в моей жизни началась новая эра.

На десерт

Шоколад.

Александр Иосифович Шальников любил шоколад. Эта страсть была постоянным предметом шуток, розыгрышей и подарков.

Когда я поступила в ИФП, мне многие рассказывал о подарке, который Александр Иосифович получил от сотрудников института.

Шальников. исследовал промежуточное состояние сверхпроводников на оловянном шарике, разрезанном пополам. Это был очень изящный, но трудный эксперимент на грани возможного: висмутовыми измерителями размером в 20 микрон измерялось распределение магнитного поля внутри шара. В 1947 году за эти исследования он получил Сталинскую премию. Естественно, это отмечалось, и друзья подарили ему «укрупненную модель» объекта исследования – две половинки шоколадного шара, на плоских частях поверхности которых была нанесены результаты эксперимента. Сделать

такой подарок в те годы было не тривиально: во время войны шоколад не только не продавался, а, я думаю, что люди забыли, что он вообще существует. Правда, иногда, при правильном ветре, с «Красного Октября» несся его тонкий аромат и достигал Якиманку и нашу школу... и можно было просто потерять сознание от пробудившихся воспоминаний. Время все еще было довольно голодное. Как сумели придумать и организовать изготовление такого подарка? Но подарок был царский, многие годы о нем вспоминали.

Я пришла в ИФП в 1951 году. Конфеты уже появились. Шальников любил угощать конфетами (может быть, только женщин). Мы все тогда так бедно жили, что каждая подаренная конфетка вызывала восторг.

В 1953 году вся лаборатория Шальникова поехала в Харьков на конференцию. Это была моя первая командировка. Как только мы вошли в вагон, АИ положил передо мной стопку (10 шт) стограммовых плиток шоколада Белочка и сказал, что если я съем их все за дорогу, то он подарит мне еще столько же. Я, конечно, приняла это все за шутку – просто шеф ставил очередной эксперимент. Но ... я, действительно, за дорогу все их без труда съела... В первом же кондитерском магазине АИ купил две роскошные по тем временам коробки конфет. И со словами «Вы заработали» вручил их мне. Я была просто ошарашена. Коробки были не только огромные, они были расписаны золотом и к ним были прикреплены букетики из искусственных цветов. Пролетев «спасибо», я спросила: «А почему их две?». «Одна -- Вам, а другая – Вашей подруге, у которой Вы собираетесь остановиться. Наверняка никакого подарка Вы ей не приготовили». Нет, подарок я привезла, но, конечно, не такой роскошный. Моя подруга Мара жила на Садовой улице в двухэтажном доме, населенном огромным числом шумно и непрерывно общающихся между собой через окна, двери и двор соседей. Со своими коробками и чемоданом, который нес Мусик Каганов, я как сквозь строй прошла через любопытствующую толпу жителей этого дома и поднялась на второй этаж в нужную квартиру. Какими восторженными взглядами меня провожали! Но относились они не ко мне и даже не к конфетам, а к Мусику (но это уже другая история). Утром я проснулась и услышала через открытое окно разговор соседок во дворе. Одна сообщила другой, что вчера к Марочке приехала из Москвы подруга Милочка и милочкин академик подарил Марочке коробку конфет, которая в семь раз больше той, что стоит в витрине «Ведмедика» на Сумской!

Конфеты мы, конечно, съели, а в красивых коробках и у меня, и у Мары еще долго хранились всякие ценные вещи.

От тех времен осталась интересная фотография, на которой мы с Марой и ее мужем Фимой в компании Шальникова, Хайкина, Шарвина, Каганова и двух будущих нобелевских лауреатов (Гинзбурга и Абрикосова) пытаемся разглядеть соловья, который поет в кустах харьковского парка.

Помню, что если А.И. отругает тебя (конечно, справедливо, но он это делал очень эмоционально, иногда слишком), а потом ему покажется, что он переусердствовал, (ну не просить же ему прощение?), то подойдет с шуточкой и конфеткой, признавалась только шоколадная, как ни в чем не бывало, и «все в порядке». Или на твой рабочий стол вдруг вбрасывался бумажный кулек с конфетами. Бумага разрывалась, конфеты рассыпались. Да какие! Это означало полный мир, все неурядицы забыты, ты прощена, и он в прекрасном настроении. Больше всего А.И. любил трюфели. Я тоже. Какое было замечательное время. Сколько проблем решалось так просто!

В 1956 году я закончила аспирантуру и перешла работать к П.Л.Капице в Физическую лабораторию. Там было все посуровой, и я довольно долго привыкала к новой обстановке. Эта лаборатория была в другом корпусе, но с А.И. мы два-три раза в неделю все-таки где-то встречались. Он как обычно шутил, доставал из кармана курточки трюфелек, а я его лопала. А.И. смотрел на меня с интересом и что-то рассказывал или «добродушно издевался». Ему очень нравился процесс поедания мною трюфелей. Он заметил, что я откусываю маленький кусочек а остаток осторожно вновь заворачиваю в бумажку, и так много раз. Конечно я делала это бессознательно, просто чтобы подольше поразговаривать. Сама я этого не замечала. Наверно это было очень глупо и смешно.

Через некоторое время АИ сказал мне, что в верхнем ящичке его письменного стола всегда будет ждать меня конфетка. «Как станет плохо на душе, и вообще в минуту жизни трудную – приходите и берите, Вам станет легче». И трюфель всегда лежал и ждал меня на этом месте. Сбоев не было.

Наконец я написала диссертацию и принесла А.И. текст. Уже через час он позвонил по телефону и закричал в трубку, что я негодяйка, лентяйка и что все никуда не годится. Я

впервые обиделась. Критику моих умственных способностей я переносила спокойно и даже с благодарностью. Но вот лентяйка! Это было обидно. Это я-то лентяйка! У меня маленький ребенок, няньки все время сбегают, дома все время кто-то болеет, трудная работа, все хозяйство на мне, а по ночам я пишу диссертацию! АИ прочитал только первую страницу диссертации и всю ее исчеркал – там не осталось ни одного моего предложения. (Я ее до сих пор храню). Дальше он не пробился.

Я старалась с АИ не встречаться, но так как трудных минут было много, то за конфетами все-таки заходила. Недели через две он встретил меня в коридоре и сказал: «Дорогая моя, Вы знаете, сколько конфет Вы съели за последний месяц? – Два кило!» Мы оба расхохотались, я было прощена, текст диссертации одобрен (хотя я переписала только первую страницу, а остальные чуть-чуть подредактировала).

Похвастаюсь, что когда следующие аспиранты Шальникова спрашивали, как писать диссертацию, он им советовал – «посмотрите милину».

В 1975 году АИ исполнялось 70 лет. Это событие торжественно отмечалось в институте. Пришло столько любящих Шальникова людей, что пришлось сделать трансляцию звука в фойе и поставить там стулья, так как зал не мог всех вместить. Сколько было сказано об АИ замечательных слов и подарено интересных подарков! С хорошими конфетами в стране опять наступила напряженка, но, тем не менее, Колей Заварицким был изготовлен (сплавлен из обычных конфет) гигантский, килограмма на три, трюфель. Он был завернут по всем правилам в соответствующую обертку. Это изделие на подносе преподносила Наташа Крейнес. Подарок, согласитесь, был потрясающим. АИ принял его и закричал, вглядываясь в зал: «Мила, Мила, где Вы?» Я сидела в задних рядах, впереди находились гости. Он пригласил меня на сцену. В это время я была уже сильно пополневшая, румяная, да еще и в белое платье вырядилась. Поглаживая меня по плечу, он произнес: «Вот что сделали трюфели из совершенно обычной, нормальной девочки». Зал взорвался от хохота.

Еще в начале 50-х годов кто-то подарил Шальникову тонюсенькую как вафелька, круглую плиточку швейцарского шоколада. Он дал мне ее попробовать и требовал восхищения. «Вы чувствуете, что это что-то необыкновенное? Он растворяется во рту полностью, не оставляя никаких крошек на языке! Это лучший в мире шоколад, только швейцарцы так умеют делать, хотя Вам этого не понять». Шоколад был действительно замечательный, но достать его у нас в то время было невозможно. Позднее, когда мой муж работал в Швейцарии, он всегда привозил Шальникову шоколадки. АИ внимательно рассматривал обертку, гладил ее, шоколадка долго лежала на столе. Надеюсь, что потом он уносил ее с собой и все-таки съедал. Однажды, после очередного поступления, он сказал мне: «Какое счастье, что Олечка (жена) не любит шоколад, все достанется мне». А на утро пришел расстроенный – «приходила Наташка (дочка) и все съела». Когда нас стали пускать за границу, то многие привозили Шальникову швейцарский шоколад, и каждый раз он радовался ему, как ребенок.

Традиция привозить из Швейцарии шоколад и дарить его друзьям и знакомым до сих пор живет среди почитателей АИ. Непревзойденным чемпионом в этом деле был Гарик Ландау. В последние годы он жил и работал в Швейцарии и, когда приезжал в Москву, привозил полчемодана шоколадных плиток. Это был просто праздник.

Теперь, когда стало возможным перепробовать шоколад многих стран и фабрик, я вслед за учителем все равно считаю, что швейцарский горький -- лучший в мире шоколад. Он не только растворяется без остатка, но и вызывает волшебные воспоминания и ассоциации. Но «вам, может быть, этого и не понять».

